

УДК 101.1:141.7

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**КОЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАРАДИГМА
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ АНАЛИЗА ТЕНДЕНЦИЙ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

В статье отмечается, что проблема выявления механизмов коэволюции и практического применения соответствующих знаний приобретает особую остроту в связи со значительным возрастанием глобальной нестабильности, рисков в жизни мирового сообщества и в социоприродных отношениях. В качестве правил парадигмы коэволюционный подход еще формируется. Исходными методологическими идеями для формирования основных концептуальных положений коэволюции в исследовании сопряженных тенденций развития природы и общества могут быть следующие принципиальные установки. Область устойчивости жизни (согласно В. И. Вернадскому), ее развития шире существующих границ биосферы. Поэтому коэволюция «выходит» за пределы биосферы, создает и, одновременно, устраняет неопределенность, вызывает, ограничивает и канализирует риски, формируя упорядоченные структуры организации систем различной природы. Принципиально важной для понимания природы и функций коэволюции является идея о появлении, историческом развитии жизни, ее биосферной организации как результата, процесса и условия продолжения универсальной эволюции, а также о проявлении трансформации внешних, космопланетарных тенденций самоорганизации во внутренних селективных процессах самоизменения биосферы и порождения ею социально-организованного «живого вещества», ноосферы. Обосновывается положение о противоречивом, разноуровневом характере коэволюции. Коэволюция вызывает определенный риск. Соответственно, коэволюционный подход должен быть направлен на изучение позитивных и негативных тенденций постиндустриального развития общества в их единстве.

Ключевые слова: коэволюция, парадигма, эволюция, ноосфера, противоречивость, хаос.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**COEVOLUTIONARY PARADIGM AS A METHODOLOGICAL BASIS
OF ANALYSIS OF POST-INDUSTRIAL DEVELOPMENT SOCIETY TRENDS**

The article notes that the problem of identifying the mechanisms of co-evolution and practical application of relevant knowledge is particularly acute due to the significant increase in global instability, risks in the life of the world community and socio-natural relations. The coevolutionary paradigm rules are still evolving. The basic methodological ideas for the formation of the basic conceptual positions of co-evolution in the study of conjugate trends in the development of nature and society can be the following basic prescription. The domain of the life evolution and stability (according to V. Vernadsky), spreads wider the existing boundaries of the biosphere. Therefore, co-evolution “goes out” beyond the biosphere, creates and, at the same time, eliminates the uncertainty causes, it limits and channelizes risks forming ordered structures of organization systems of different nature.

Fundamentally important for understanding the nature and functions of co-evolution is the idea of the appearance, the historical development of life, and being biosphere as a result of the organization, process and conditions for extension of universal evolution, as well as the manifestation of the transformation of external universal trends in internal self-selective process of self-transformation of the biosphere and causing her socialorganized "living matter", the noosphere. Position about the controversial, multi-level nature of the co-evolution. Coevolution can organize connections and relationships, to harmonize the joint development of systems, provided that it also creates a "building material" - chaos as another procedure. Co-evolution is a certain risk. Accordingly, the co-evolutionary approach should be directed to the study of positive and negative trends in the development of post-industrial society in their complementarity and continuity as a manifestation of the principle of ontological integrity of qualitative changes. Offers a number of paradigmatic ideas about the mechanisms and functions of co-evolution.

Key words: co-evolution, paradigm, evolution, noosphere, inconsistency and chaos.

Введение. Проблема выявления механизмов коэволюции и практического применения соответствующих знаний приобретает особую

остроту в связи со значительным возрастанием глобальной нестабильности, рисков в жизни мирового сообщества, обусловленных характером

внутри социального взаимодействия субъектов современной истории и социоприродных отношений.

В форме четко обозначенных правил парадигмы коэволюционный подход, как систематизированное выражение механизмов коэволюции, пока еще формируется. Предлагается ряд идей о механизмах коэволюции, которые могут быть «строительным материалом» в разработке соответствующей парадигмы. 1. Коэволюция – атрибутивное свойство внутренней и внешней неравновесности, противоречивости и изменчивости взаимодействующих объектов и систем. 2. Коэволюция – составная часть онтологического принципа сохранения целостности процесса развития в единстве упорядочения и разупорядочения, прогресса и регресса, созидания и разрушения. Соответственно, коэволюционный подход должен быть направлен на изучение позитивных и негативных тенденций постиндустриального развития общества в их взаимодополнении и неразрывности как выражения онтологического принципа целостности качественных изменений. 3. Коэволюция – онтологический механизм воспроизводства и сохранения системной организации объектов живой и социальной природы в противоречивом единстве их целостности и автономности частей. 4. Коэволюция есть закономерный процесс опосредования и связи противоположных тенденций развития, средство их воспроизводства как источника изменений. Механизмами коэволюционного опосредования являются: взаимное отражение, генетический наследственный аппарат, онтогенетический опыт, функциональные системы, сознание, разум. 5. Разум человека, имеющий коэволюционное происхождение и являющийся средством коэволюционного опосредования противоречивых, сопряженных тенденций развития в обществе, выступает инструментом связи его противоположных направлений, аккумулирует их свойства и поэтому противоречив по своей природе и практическому действию.

Основная часть. В качестве основного исходного принципа анализа различных по природе явлений коэволюции автором статьи принят принцип неоднозначности, многомерности, противоречивости социальных и социоприродных механизмов развития. В этой связи содержание тенденций и направленность коэволюционного взаимодействия в организации социальных, природных систем и в их взаимных изменениях рассматриваются с позиций структурно-функционального разнообразия внутри- и межсистемных связей, обуславливающих вариативность условий, путей протекания и результатов коэволюции. Коэволюционный про-

цесс не ведет к установлению сугубо однозначных (одновариантных), жестких связей и окончательно завершенной гармонии в биологических и социальных системах, а также в их отношениях.

Коэволюция «знает» тупики и зоны прерывания взаимной адаптации совместно развивающихся систем. Коэволюция обуславливает риски взаимного истощения ресурсов развития нерасторжимо воспроизводимых открытых систем и возможности их деградации. Вероятно, в природе и обществе существует некий стихийно действующий селективный процесс своеобразного сохранения тех вариантов коэволюции, которые обуславливают воспроизводство возможностей (полиmodalность коэволюции) разнотипного внутри- и межсистемного взаимодействия. В процессе подобного взаимодействия формируется многомерная природа объектов, происходит усложнение их организации, растет потенциал и расширяется пространство возможных связей «участников» совместного воспроизводства, сохранения и развития. Увеличение диапазона возможных направлений коэволюции означает, вместе с тем, увеличение разнообразия противоречий взаимодействующих систем, являющихся одновременно источником развития и причиной роста возможных рисков. Все это выражается в наблюдаемых исторических тенденциях усложнения биологической и социальной организации, роста динамических характеристик систем такого рода, их пространственной экспансии и качественного изменения селективных способностей в отборе поведенческих вариантов адаптации и изменения среды жизнедеятельности в сопряжении с процессами системных самоизменений. Даже на уровне совместного воспроизводства самых высокоразвитых биологических и социальных систем процессы коэволюции не устраняют противоречия и риски, не исключают тупиковые или ограниченные формы взаимозависимого развития. Механизмы коэволюции функционируют и развиваются, порождая противоречия и риски, формируя новые возможные варианты сообразного воспроизводства, развития и сохранения организации биологической и социальной реальности во внутрисистемных и межсистемных аспектах. Степень развития способности самосохранения биологических и, в особенности, социальных систем зависит от соотношения прежде сформированных направлений и способов осуществления коэволюции и новых ее тенденций, основанием которых являются вновь складывающиеся противоречия и условия существования в природе и обществе. Стремление осуществлять целерациональную деятельность в обществе и в связях с природой на основе сохраняющихся прежних структур

и соответствующих им способов коэволюционного взаимодействия приводит к социальному и социально-экологическому кризисам, что можно наблюдать в постиндустриальном обществе. Коэволюционные процессы в обществе и его взаимодействии с природой необходимо регулировать, чтобы не оказаться в подчинении их стихийного проявления, что приводит к утере управляемости социальными и социоприродными изменениями. Симптомы подобной тенденции достаточно отчетливо проявляют себя в современном мире. Глобальные экологические проблемы кардинально не решаются, общество в значительной степени оказывается во власти неадекватных и устаревших представлений о методах и ценностях построения системы международных отношений.

Основной идеологической установкой, формирующей сознание миллиардов людей, является непрерывный рост благосостояния за счет увеличивающегося использования природных ресурсов, невзирая на то, что культура, в ее широком понимании, основанная на идее потребления, как решающего блага, оставляет после себя «глобальную пустыню» как в природе, так и в духовной жизни человека. В этом смысле постиндустриальное общество, продолжающее культивировать идеалы и ценности потребления, только усугубляет антропологический и экологический кризисы. Но это также означает, что цивилизация, исповедующая идеалы и ценности такого рода, использует устаревшие способы осуществления взаимозависимого развития внутрисоциальных структур и регуляции социоприродных отношений, что и превращает подобную коэволюцию в источник новых рисков, вызовов и опасностей. Формы и способы регулирования социальной и социоприродной коэволюции, само ее содержание обуславливаются современными закономерностями развития общества, цивилизации в целом, ее отношением к природе, соответствующими глобальными противоречиями, определяющими возможности будущего стабильного состояния человечества. Именно соответствующее, опережающее, стратегическое знание должно быть положено в основу регулируемой коэволюции. Коэволюция есть важнейший механизм становления, функционирования и развития социальных и социоприродных противоречий. Для того чтобы осуществлять коэволюционное регулирование связей общества и природы, необходима система адекватного научного и философского знания. Это, по оценкам многих авторитетных специалистов, главный вопрос самосохранения цивилизации.

Коэволюция не является однозначным средством, обуславливающим установление социо-

природной и внутрисоциальной гармонии. Она не только «согласовывает» развитие различных структур, но и «стимулирует» формирование особого порядка собственного воспроизводства – определенной автономизации и хаотизации ряда структур для их последующей более устойчивой комбинации.

Надежды на строительство более безопасной и устойчивой системы миропорядка могут иметь реальный диапазон продуктивного осуществления при целенаправленном создании совокупности необходимых для этого условий всеми заинтересованными в единой и неделимой стабильности субъектами современной мировой истории. Согласно существующим представлениям, первостепенным по важности условием достижения глобальной стабильности в мире является наличие желания и воли продуктивно совместно действовать адекватным образом. Вместе с тем анализ практики обеспечения стабильности в мире стараниями ведущих в мировой политике акторов, зачастую приводящей к «репликации» и даже трансгрессии нестабильности, ставит вопрос о продуктивности социокультурных, духовных и организационных оснований воли к миру. По факту получается, что практический запуск сконструированных сугубо избирательным путем механизмов разрешения противоречий, обуславливающих нестабильность, ведет не к ее «укрощению», а напротив – к возникновению новых противоречий, новых механизмов спонтанного развития в обществе и новых рисков. Подобных примеров в международных отношениях за последние годы накопилось немало. Соответственно нужно отвечать на вопрос: почему происходят подобного рода развороты от якобы явного стремления обеспечить стабильность к ситуации, характеризуемой выражением – «получилось как всегда»? На наш взгляд, основные причины обостряющейся нестабильности в современном обществе органически связаны с глобальной дестабилизацией природной среды его жизни и своими корнями уходят в духовно-материальные, культурные, ценностные основания современного социума. Они являются отправным пунктом понимания и методологии решения проблем глобализирующегося мира наиболее влиятельными субъектами, проектирующими конфигурацию устройства миропорядка. Такое положение, когда определяющие миропорядок иницируют и формирование беспорядка, с позиций синергетики не является отступлением от общих закономерностей спонтанной самоорганизации.

Проблема заключается в более конкретных механизмах социальной селекции факторов, ведущих к стабильной самоорганизации

в соотношении с отбором факторов, действие которых разрушает сам принцип достижения системной стабильности и вызывает синергичные репликационные процессы продуцирования нестабильности по секторальному диапазону и уровням социальных систем. Внешне последний процесс может казаться необходимым устранением старых порядков, которые консервируют себя и не допускают возникновения новой, более продуктивной и перспективной организации, оцениваемой как благо. Конечно, варианты, в этом отношении, могут быть различными. Однако, учитывая общий рост нестабильности в современном мире, невозможно избавиться от мысли, что методология решения жизненно важных проблем сохранения стабильности обуславливает обострение отношений в глобальном измерении.

Происходящее постоянно повторяется в различных формах на протяжении последних нескольких десятилетий. Поэтому вполне закономерным выглядит заключение о том, что методология разрешения глобально-региональных противоречий, ведущая к росту нестабильности, обуславливающая ее перманентность, выражающая доминирующие взгляды и убеждения о якобы подлинных основаниях стабильности, является неадекватной ситуации. Эта методология выражает кризисный характер социокультурных оснований (системный антропологический кризис) и поэтому является фактором увода общества в прошлое, его перезагрузки субъективными «дизайнерскими» решениями и лишением подлинной перспективы стабильности, приемлемого единства на основании перспективных потребностей и целей.

Гносеологическая и методологическая части решения проблемы формирования устойчивой социальной и социоприродной стабильности связаны с формированием новых ценностных ориентаций, мировоззрения и системы знания о преодолении антропологического кризиса современной цивилизации, ее потребительской ориентации с учетом аналогичного опыта постиндустриальных тенденций глобальных изменений.

В ситуации нерешаемости глобальных проблем современности, включая и глобальные экологические проблемы, антропоцентризм, лежащий в основе глобального антропологического кризиса, в значительной степени утратил позитивный смысл ориентации на рост благосостояния за счет разрушения биосферы и становится все более агрессивным. В настоящее время те закономерности социального прогресса, которые обуславливались стратегией консолидации и стабильности сосуществования в обществе благодаря объединяющему духу антропо-

центризма, в контексте ставших явными природных ограничений человеческой власти, использования ее ресурсов и их переделывания в блага одного из видов живых существ – Homo sapiens, все более очевидно перестают быть единственно определяющим фактором стабильной жизни общества. Основным направлением выживания и стабильного развития общества является не просто совершенствование способности переделывания объектов природы для потребностей, жизни человека. Напротив, совершенствование креативных способностей человека, развитие его интеллекта, социальный прогресс все более очевидно связываются с удовлетворением более фундаментальной потребности – потребности в сохранении природных условий его собственного сохранения – биосферы, частью которой является сам человек. Иными словами, человек должен отдавать долги, возвращать кредит природе за использование ее ресурсов для обеспечения собственного блага. Целостность природы, сохранение воспроизводящих механизмов биосферы становятся первостепенным благом, необходимой заботой, обязательным вкладом человечества в свое будущее. Старый, ориентированный на противоположные цели антропоцентризм не может смириться со своей исторической ограниченностью. Дух и идеология антропоцентризма не только возвысили человека над природой и «присвоили» ему статус безраздельного владельца природных ресурсов, но и сформировали наиболее адаптированных в осуществлении этих же качеств людей в качестве суперпозиционеров, определяющих характер и направленность социальных отношений, суперпозиционные роли в экономическом, политическом, организационном и других отношениях.

Теперь общество должно быть адаптировано для решения первостепенной задачи – поделить накопленными им ресурсами с биосферой в целях ее сохранения. Оконтурим возникшую проблему более масштабной и емкой по содержанию формулировкой. Эта проблема вызывает больше всего споров, разного рода попыток выстроить сценарии будущего, часть из которых вполне может быть охарактеризована как стремление сохранить суперпозиции ряда социальных слоев на основе культурной матрицы преимуществ антропоцентризма.

Одной из основополагающих онтологических причин антропоцентризма, как ценностного приоритета и практики отношений общества к природе, явилась естественная природная коэволюция. На протяжении истории становления человека (в качестве органической части биосферы) она осуществлялась и осуществляется посредством повторяющихся в различных

формах разрушительных, летальных, для многих представителей человеческих популяций, природных стихий, порождающих чувства незащищенности и страха перед губительными силами природы, осознание хрупкости человеческого существования в единоборстве с природным окружением.

Чувства угнетенности и страха человека перед естественной коэволюцией, подчиненности ее слепому действию оказались до такой степени приглушенными в среде цивилизации и растущего искусственного производства средств жизни, что у значительной части населения (особенно в развитых странах) эти переживания, опасения остаются разве что в виде архетипа врожденного бессознательного. Социальная организация жизни защищает людей от прямой необходимости участия в спонтанной природной коэволюции как живых существ, сохранение которых зависит от стихийно действующих селективных тенденций данной коэволюции. Вместе с тем архетип врожденного бессознательного страха перед естественно-природной коэволюцией, казалось бы «исчезший» навсегда, вновь пробуждается и актуализируется, воздействуя на поведение и психику значительной части человечества. Пробуждающийся архетип, вызывающий неясные и тревожные ожидания, обнаруживает свой исторический характер в виде новых страхов – страхов перед техногенными и социальными (гуманитарными) катастрофами, природными бедствиями, вызванными масштабной хозяйственной деятельностью человека, должной служить его благу. Таким образом, антропоцентризм, как культура, идеология и практика защиты человека от спонтанной естественной коэволюции и его господства над природой, совершает эволюцию перехода от самовозвышения человека к глобальному экологическому вызову, угрожающему будущему общества.

К счастью, антропоцентризм не является однородным явлением, выражающим одно лишь стремление человека использовать природу для своих потребностей. Антропоцентризм многомерен и противоречив. С самого начала он был и остается явлением неоднозначным, как и характер естественной, стихийной коэволюции, в условиях которой зарождались ценностные ориентации антропоцентризма – его направленность на приоритет обеспечения человеческой жизни. Благодаря естественной коэволюции возникла природа, которая является источником и объектом его творческого вдохновения, развития культуры, источником самой жизни. Несмотря на то, что человек сохраняет тенденцию удаления от природной среды бытия и продолжает совершен-

ствовать культуру, технику и социальную организацию безопасности, он продолжает оставаться частью природы, биосферы. Как подчеркивал В. И. Вернадский, человек, его сознание являются функциями биосферы. Ни в прошлом, ни в настоящее время биосфера не «снимала» и не «снимает» с человека его онтологическую, а точнее, природную, а также и социоприродную обязанность быть участником и выполнять подчиненную законам биосферы и общества функцию их коэволюции, а также в силу своей развитости – быть еще и регулятором коэволюционных процессов в связях общества и природы. Общей предпосылкой осуществления этих функций в их единстве является биосоциальная природа человека и его способность к интеграции разнообразных процессов и явлений благодаря наличию сознания. Человек был и остается не только «господином», преобразователем, но и заботливым покровителем, своего рода меценатом в отношении к природе. Существует множество фактов, подтверждающих наличие страстной тяги миллионов людей к природе, стремления к единению с ней. Жизненный оптимизм, порождаемый воздействием природы, является сильнейшим стимулом к достижению гармоничных отношений с ней. Мы полагаем, что наряду с архетипом страха или боязни природной коэволюции, существует также и архетип оптимизма и продолжения жизни в природе, основанный на объективной тенденции нелюбви к бытию человека с породившей его природой. Данные тенденции, соединяемые в процессе естественной коэволюции, находятся в различном соотношении по причине зависимости от конкретных социоприродных условий. В странах с большой численностью населения и недостаточным объемом природных ресурсов жизнь множества людей подчинена стихийным процессам природной, социальной и социоприродной коэволюции, что порождает страх за будущее и стремление мигрировать в наиболее благополучные регионы мира, и прежде всего в постиндустриальные страны. Проблемы и противоречия тенденций антропоцентризма, стихийность природной, социальной и социоприродной коэволюции транслируются в ответственность пост-индустриальных обществ, а их элита должна взять на себя решение возникающих вопросов на собственных территориях и за их пределами.

На уровне теоретического осмысления тенденций и последствий антропоцентризма, спонтанных проявлений коэволюции предлагаются различные концептуальные пути гармонизации внутрисоциальных и социоприродных отношений. Одним из наиболее значимых теоретических построений является формирование кон-

цепции ноосферы. Появление идеи ноосферы представляет собой свидетельство эволюции антропоцентризма в направлении развития социального активизма гуманистического характера, гармонизирующего отношения в обществе и его связи с природой.

Заключение. Эволюция антропоцентризма транслируется в формирование глобальной контроверзы между антропоцентристским «самооколдовыванием» общества, состоящим в его перманентном самовозвышении над природой и необходимостью достижения стабильного будущего на основе сохранения репродуктивных механизмов биосферы и установления более безопасных социальных и социоприродных отношений. Эта проблема обозначает соответствующий масштаб потребностей человечества в регулировании коэволюционном взаимодействии с природой. Коэволюция может быть интерпретирована как социокультурный и социоприродный процесс, в основе которого лежат взаимосвязанные принципы: принцип доминирования единства гуманного распределения благ в обществе и безопасности природных механизмов саморазвития биосферы; принцип обеспечения соотносительной достаточности вкладов в сохранение общества и биосферы; принцип поддержания такого уровня взаимодействия общества и природы и сохранения противоречий между ними, которые являлись бы условием длительного процесса совершенствования производящих способностей и продуктивных возможностей человека в сохранении среды жизни; принцип выявления и аккумуляции нового знания о закономерностях сопряженного существования человека и биосферы, для формирования и постоянного обновления теоретико-методологических осно-

ваний, создания опережающего знания о регулировании процессов взаимной трансформации природной и социальной самоорганизации. Коэволюция общества и природы и внутрисоциальная коэволюция могут быть позитивными факторами достижения стабильного будущего, если они не только упорядочивают связи объектов, выступают механизмами их согласованного сосуществования и развития, но и порождают новые его возможности, формируя в связях природных и социальных систем хаос особого рода – специфический порядок их структур и свойств, которые служат опосредующим «строительным» материалом последующей коэволюционной селекции. Коэволюция порождает условия собственного продолжения. Она не является селективным механизмом абсолютной «подгонки», или однозначной взаимной приспособленности взаимодействующих объектов в их развитии. Коэволюция – это развивающее взаимодействие объектов. Она относительна по своей сути, включает механизмы собственного отрицания, продолжения, изменения и сохранения. Коэволюция не только снижает риски нестабильности во взаимодействии систем, но и воспроизводит их как фактор необходимости совершенствования системной организации и взаимной адаптации. Коэволюция формирует возможности перехода систем на иные пути и уровни самоорганизации. Попытки направить коэволюцию по субъективно заданному сценарию неизбежно вызывают усиление спонтанных механизмов самоорганизации в обществе и природе, чреватых, как свидетельствует история, ростом рисков нестабильности. Волонтаристский подход трансформирует коэволюцию в механизм нестабильности сопряженных систем.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Michailovich – Ph. D. Philosophy, assistant professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by

Поступила 15.03.2015